DOI 10.32726/2411-3417-2026-3-68-75
УДК 327

Фархад Ибрагимов

Мекканское соглашение как фактор формирования многополярной архитектуры безопасности на Ближнем Востоке

Аннотация. *В статье рассматривается Мекканское соглашение о совместной обороне, подписанное 7 августа 2026 г. Саудовской Аравией, Турцией и Пакистаном. Автор анализирует предпосылки появления нового формата, интересы его участников и вероятное влияние соглашения на региональный баланс сил. Мекканское соглашение может стать одним из элементов многополярной архитектуры безопасности при условии институционализации сотрудничества и сохранения открытого характера объединения. Его значение состоит не только в закреплении принципа коллективной обороны, но и в стремлении региональных держав диверсифицировать источники безопасности и уменьшить зависимость от внешнего гаранта. Однако отсутствие опубликованного текста договора, неясность процедур принятия решений и различие стратегических приоритетов участников пока не позволяют рассматривать новый формат как сложившийся военно-политический блок.*

Ключевые слова: *Мекканское соглашение, Ближний Восток, региональная безопасность, многополярность, Саудовская Аравия, Турция, Пакистан, Иран, коллективная оборона.*

Подписание 7 августа 2026 г. в Мекке соглашения о совместной обороне между Саудовской Аравией, Турцией и Пакистаном (Мекканского пакта) стало одним из наиболее заметных за последние месяцы событий в перестройке ближневосточной системы безопасности. Согласно официальному коммюнике, вооруженное нападение на одного из участников должно рассматриваться как нападение на всех, а само соглашение направлено на усиление коллективного сдерживания и развитие сотрудничества в оборонной сфере [Makkah Al-Mukarramah Summit...]. Такая формула неизбежно вызывает аналогию со статьей 5 Североатлантического договора. Однако суть нового формата не во внешнем сходстве с НАТО, а в появлении самостоятельного центра согласования интересов трех крупных государств, соединяющего Ближний Восток, Анатолию и Южную Азию.

Примечательно, что полный текст соглашения так и не был опубликован (по состоянию на 23 августа 2026 г.). Не раскрыты точные условия его применения, геогра-

Сведения об авторе: *ИБРАГИМОВ Фархад Эльшан оглы — преподаватель Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, farxadibragimov@yandex.com.*

фические пределы обязательств, порядок квалификации вооруженного нападения и конкретные формы помощи подвергшемуся атаке участнику [1]. Поэтому говорить о создании полноценного военного альянса было бы преждевременно. Вместе с тем договор имеет серьезное политическое содержание. Он демонстрирует стремление региональных держав Ближнего Востока перейти от ситуативной координации к более устойчивым механизмам обеспечения безопасности и одновременно указывает на постепенную утрату прежней системой союзов американоцентричного характера.

От «импортируемой безопасности» к диверсификации гарантий

В течение нескольких десятилетий безопасность арабских монархий Персидского залива в значительной мере обеспечивалась за счет военно-политического присутствия США. Вашингтон выступал главным внешним гарантом свободы судоходства, устойчивости поставок энергоресурсов и сохранения регионального баланса сил. Американские военные базы, двусторонние оборонные соглашения и поставки вооружений образовывали основу системы, в которой большинство региональных государств действовали не автономно, а в рамках стратегических связей с Соединенными Штатами. Эта модель не исчезла, но ее эффективность все чаще ставится под сомнение. Военные кампании возглавляемой США коалиции в Ираке и Афганистане; непоследовательность политики Вашингтона в период «арабской весны»; выход США из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по Ирану; ограниченная реакция на удары по саудовской нефтяной инфраструктуре в 2019 г.; наконец, расширение палестино-израильского конфликта, приведшее в конце концов к американо-израильской агрессии против Ирана, — все это усилило в регионе ощущение стратегической неопределенности. Безусловно, речь идет не о полном уходе США с Ближнего Востока, а о снижении готовности региональных партнеров полагаться исключительно на решения одного внешнего центра [Cook].

В этих условиях ближневосточные государства стремятся сформировать многоуровневую систему гарантий. Сохраняя связи с Вашингтоном, они активно развивают отношения с Китаем и Россией, расширяют военно-техническое сотрудничество друг с другом и создают небольшие коалиции для решения отдельных задач. Такое поведение можно определить как стратегическое хеджирование: государство не разрывает прежние союзы, но распределяет риски между несколькими партнерами.

Мекканское соглашение вписывается именно в эту логику. Оно не отменяет турецкого членства в НАТО, американо-саудовского партнерства или самостоятельных связей Пакистана с Китаем. Новый механизм добавляет к ним еще один уровень взаимодействия, в рамках которого решения должны приниматься самими региональными державами. Подобная конфигурация соответствует общему вектору развития международной системы, подразумевающий переход к многополярности [Al-Jaber].

В региональном измерении многополярность означает не простое увеличение числа влиятельных государств, а усложнение связей между ними. Рядом с традиционным

присутствием США формируются самостоятельные центры силы, способные предлагать собственные политические, экономические и военные инструменты. В результате жесткая иерархическая система постепенно уступает место сети пересекающихся партнерств. Именно поэтому Мекканское соглашение не сводится к созданию очередного «ближневосточного НАТО». Оно скорее отражает поиск более гибкой архитектуры, в рамках которой государства одновременно участвуют в нескольких форматах и сохраняют пространство для внешнеполитического маневра.

Интересы участников и логика взаимодополняемости

Появление трехстороннего механизма не было внезапным. Его непосредственной основой стало Стратегическое соглашение о взаимной обороне, подписанное Саудовской Аравией и Пакистаном 17 сентября 2025 г. В нем уже содержался принцип, согласно которому агрессия против одной стороны рассматривается как агрессия против обеих [Joint Statement…]. Присоединение Турции превратило двусторонние обязательства в более широкий формат и придало им качественно иное региональное измерение. Каждый участник мекканского трехстороннего формата вносит в него собственный набор ресурсов. Саудовская Аравия располагает значительными финансовыми возможностями, влиянием на энергетические рынки и особым политическим весом в арабском и исламском мире. Турция обладает крупными вооруженными силами и быстро развивающимся оборонно-промышленным комплексом, являясь при этом одной из ведущих сил Североатлантического альянса. Пакистан имеет многочисленную армию, опыт ведения боевых действий, а самое главное — статус ядерной державы. Такое сочетание создает эффект взаимодополняемости: трехсторонняя координация позволяет задействовать целый комплекс ресурсов для противостояния потенциальной агрессии, недоступный ни для одной из сторон по отдельности.

При этом мотивы участников альянса не тождественны. Для Эр-Рияда соглашение является способом диверсифицировать оборонные связи и укрепить защиту критической инфраструктуры. Анкара получает дополнительную площадку для продвижения собственной военно-промышленной продукции и закрепления статуса самостоятельного центра силы. Исламабад усиливает позиции за пределами Южной Азии и углубляет отношения с двумя важными экономическими партнерами. Таким образом, устойчивость нового союза основана не на единой идеологии, а на пересечении прагматических интересов. Это одновременно его преимущество и слабость. Саудовская Аравия более всего сосредоточена на безопасности Персидского залива и Красного моря, Турция — на сирийском направлении, Восточном Средиземноморье и собственных отношениях с НАТО, а Пакистан — на Индии, Афганистане и пограничных угрозах. Остается неясным, будут ли партнеры готовы участвовать в конфликте, который одна из сторон считает жизненно важным, а две другие — периферийным.

Министр иностранных дел Турции Хакан Фидан сравнил закрепленный в Мекканском соглашении принцип взаимопомощи со статьей 5 Североатлантического договора, но одновременно указал на необходимость консультаций при определении конкретного

ответа [2]. Международно-правовой основой подобных договорных обязательств выступает статья 51 Устава ООН, закрепляющая неотъемлемое право государств на индивидуальную и коллективную самооборону в случае вооруженного нападения [Устав Организации Объединенных Наций. Статья 51]. Таким образом, политическое обязательство коллективной обороны пока не означает автоматического вступления всех участников в военные действия в порядке помощи одной из сторон соглашения. Сопоставление с НАТО имеет и другое ограничение. Статья 5 Североатлантического договора опирается на десятилетия институционального развития, постоянные органы, интегрированное военное планирование, общие стандарты и регулярные учения [The North Atlantic Treaty]. Мекканское соглашение находится лишь в начале этого пути. Его реальная эффективность будет зависеть от создания механизмов обмена разведывательной информацией, противовоздушной и противоракетной обороны, совместного планирования, военно-технической кооперации и согласованных процедур реагирования на кризисы. Без этих элементов декларация солидарности рискует сохранить преимущественно символический характер.

Новый полюс или открытая платформа?

Принципиальное значение имеет вопрос о направленности соглашения. Официальные лица трех стран неоднократно подчеркивали его оборонительный характер и отсутствие заранее обозначенного противника. А Пакистан, в частности, заявил, что формат открыт для государств, готовых придерживаться его принципов и разрешать разногласия мирными средствами [3]. Такая позиция позволяет участникам сохранять стратегическую неопределенность и не превращать соглашение в жесткий блок, направленный против конкретной страны.

Иранский фактор, тем не менее, неизбежно присутствует в расчетах сторон. Начавшаяся в феврале 2026 г. эскалация, ракетно-беспилотные угрозы, уязвимость энергетической инфраструктуры и судоходства усилили запрос на коллективное сдерживание. Однако сводить новый формат исключительно к антииранской коалиции было бы упрощением. По словам представителя МИД Ирана Исмаила Багаи, Тегеран не видит в соглашении положений, вызывающих обеспокоенность, а его подписание вызвано осознанием необходимости региональных механизмов безопасности [4]. При этом официально иранский МИД заявил, что не получал приглашений присоединиться к Мекканскому соглашению [5].

Если открытый характер объединения получит практическое подтверждение, соглашение сможет эволюционировать от механизма взаимного сдерживания к более широкой платформе. Включение новых участников (Египта, Катара или других региональных государств) повысит его политический вес, но одновременно усложнит согласование интересов.

Особого внимания заслуживает позиция Египта, который рассматривается Анкарой как один из наиболее вероятных кандидатов на присоединение к Мекканскому со-

глашению. Министр иностранных дел Турции Хакан Фидан подтвердил, что вопрос об участии Каира обсуждался с египетской стороной с самого начала подготовки нового формата. Однако руководство Египта проявляет заметную осторожность. Глава египетского внешнеполитического ведомства Бадр Абдель Аты заявил, что присоединение к соглашениям в сфере обороны требует всестороннего изучения с учетом конституционных норм и существующих международно-правовых обязательств страны. Таким образом, формально Каир не отвергает возможности вступления, но пока избегает брать на себя конкретные обязательства. Подобная сдержанность обусловлена стремлением Египта сохранить самостоятельность при принятии военно-политических решений, избегать вовлечения в конфликты, непосредственно не затрагивающие его национальную безопасность, и не нарушать сложившийся баланс отношений с другими региональными партнерами. Поэтому на первоначальном этапе Каир, вероятно, предпочтет ограничиться политическими консультациями и координацией, сохраняя возможность присоединения после того, как станут более понятны механизмы функционирования Мекканского соглашения и практические последствия участия в нем.

Еще одним показателем незавершенности формирующейся архитектуры безопасности остается вопрос о возможном участии Ирана. Его присоединение существенно изменило бы политическое содержание Мекканского соглашения. В этом случае договор объединял бы уже не только суннитские государства и мог бы рассматриваться как основа более широкой и инклюзивной системы региональной безопасности. Участие Тегерана также означало бы, что взаимодействие в рамках соглашения строится не только на совпадении интересов близких партнеров, но и на готовности государств с различными внешнеполитическими приоритетами вырабатывать общие подходы к региональным угрозам.

Однако реализация такого сценария в обозримой перспективе представляется маловероятной. Разногласия Ирана с Саудовской Аравией, ирано-турецкая конкуренция в регионе, а также стремление Тегерана сохранить самостоятельность в военно-политической сфере затрудняют его включение в систему коллективных обязательств. Дополнительным препятствием может стать нежелание иранского руководства участвовать в механизме, ключевые органы которого располагаются на территории Саудовской Аравии. Тем не менее обсуждение возможности дальнейшего расширения свидетельствует о том, что состав участников и политическая направленность Мекканского соглашения еще окончательно не определены. От того, останется ли оно объединением ограниченного круга государств или сможет привлечь страны с различными интересами, во многом будет зависеть его роль в будущей архитектуре безопасности Ближнего Востока.

Отдельного рассмотрения требует фактор Израиля. Формально Мекканское соглашение не направлено против еврейского государства — оно не упоминается ни в совместном заявлении сторон, ни в официальных разъяснениях относительно целей нового объединения. Однако в израильском восприятии соединение военно-политических возможностей Турции, Пакистана и Саудовской Аравии способно изменить сложив-

шийся баланс сил. Отношения Анкары и Тель-Авива заметно ухудшились на фоне войны в Газе и продолжающихся противоречий вокруг Сирии, Пакистан и вовсе не имеет дипломатических отношений с Израилем, а Саудовская Аравия продолжает связывать перспективу их нормализации в рамках «Авраамовых соглашений» с окончательным урегулированием палестинского вопроса. Подписание Мекканского соглашения, среди прочего, придало импульс дискуссии о возможном сближении Израиля и Индии, хотя говорить о формировании зеркального военно-политического союза пока преждевременно [6]. В данном случае важен сам эффект косвенного балансирования: возникновение одного регионального объединения создает стимулы для укрепления связей между другими государствами.

Наиболее отчетливо израильский фактор проявился на сирийском направлении. В августе 2026 г. Израиль нанес удар по авиабазе Абу-эд-Духур в провинции Идлиб, объясняя свои действия стремлением не допустить расширения турецкого военного присутствия в Сирии. Израильское руководство открыто заявило, что рассматривает возможное размещение турецких сил как угрозу собственной безопасности, тогда как Анкара расценила нанесенный удар как нарушение сирийского суверенитета [7]. Спустя несколько дней министр иностранных дел переходного правительства Сирии Асаад аш-Шейбани сообщил, что Дамаск изучает возможность присоединения к Мекканскому соглашению, хотя окончательное решение еще не принято [8]. Тем самым вопрос о расширении нового формата оказался непосредственно связан с одним из наиболее напряженных участков турецко-израильского противостояния.

Возможное присоединение Сирии стало бы серьезной проверкой коллективных обязательств на прочность. В этом случае продолжающиеся израильские удары по сирийской территории неизбежно поставили бы вопрос, должны ли они квалифицироваться как вооруженное нападение, требующее реакции остальных участников. Для Турции включение Сирии означало бы укрепление собственных позиций в Восточном Средиземноморье, а для Дамаска — получение дополнительных внешних гарантий в период восстановления государственных институтов. В то же время Саудовская Аравия и Пакистан могли бы столкнуться с риском вовлечения в турецко-израильское противостояние, которое не относится к числу их непосредственных приоритетов. Поэтому сирийское направление способно стать как стимулом для институционального развития соглашения, так и источником внутренних разногласий. Уже сама возможность присоединения Сирии показывает, насколько быстро открытая региональная платформа может оказаться вовлеченной в действующие конфликты.

С точки зрения теории региональных комплексов безопасности, Ближний Восток представляет собой пространство, где угрозы и конфликты тесно взаимосвязаны, а устойчивые общерегиональные институты остаются слабыми. Мекканское соглашение не устраняет эту особенность, однако создает новый узел координации. В случае дальнейшего расширения оно может связать три субрегиона — Персидский залив, Восточное Средиземноморье и Южную Азию. И тогда речь будет идти не только о многополярной, но и о сетевой архитектуре безопасности: ее основой окажется не единый

универсальный союз, а совокупность частично пересекающихся оборонных, дипломатических и экономических форматов.

Пределы и перспективы нового механизма

Возможны несколько сценариев дальнейшего развития соглашения. В первом оно останется ограниченным трехсторонним обязательством и инструментом политического сдерживания. Во втором произойдет его институционализация: появятся постоянные органы, совместное планирование, регулярные учения и новые участники. В этом случае формат сможет претендовать на заметную роль в региональной архитектуре. Третий сценарий связан с превращением соглашения в закрытый блок против одного или нескольких государств. Такая эволюция усилит поляризацию и способна запустить новую дилемму безопасности, когда укрепление защищенности одних участников будет восприниматься соседями как непосредственная угроза.

Определяющим станет не количество подписантов, а способность нового объединения выработать понятные правила. Новорожденному альянсу предстоит решить, какие действия считаются вооруженным нападением, распространяются ли гарантии на атаки негосударственных акторов, кибероперации и удары по энергетическим объектам, а также кто принимает решение о коллективном ответе. Не менее важны вопросы совместимости вооружений и распределения расходов, а также соотношение обязательств по Мекканскому соглашению с участием Турции в НАТО и партнерством Саудовской Аравии с США.

Для России и Китая появление нового формата не означает автоматического ослабления их позиций или формирования дружественного им блока. Скорее речь идет о росте самостоятельности региональных держав, которые будут взаимодействовать с разными центрами силы в зависимости от конкретной задачи. Это соответствует логике полицентричного мира, но одновременно увеличивает сложность региональной дипломатии: вместо одной вертикали безопасности возникает система изменчивых коалиций и перекрывающихся обязательств.

Таким образом, Мекканское соглашение пока нельзя считать завершенной моделью коллективной безопасности. Его военная эффективность не проверена, институциональная структура только формируется, а интересы участников далеко не во всем совпадают. Тем не менее соглашение уже стало фактором изменения регионального порядка. Оно закрепляет стремление крупных государств Ближнего Востока и сопредельных пространств не только получать гарантии извне, но и самостоятельно участвовать в обеспечении безопасности. Если новый механизм сохранит открытость, сформирует работающие институты и не превратится в инструмент жесткой блоковой конфронтации, он может стать одним из элементов многополярной архитектуры Ближнего Востока. В противном случае его значение ограничится политическим сигналом, отражающим кризис прежней системы, но не предлагающим ей устойчивой альтернативы.

Примечания

1. См.: Постникова Е. Приведет ли Мекканский пакт к появлению нового ядерного зонтика // РБК. 15.08.2026 г. — URL: rbc.ru/politics/15/08/2026/6a7f32509a7947b9d84ad6e0 (дата обращения: 23.08.2026).
2. См.: Хакан Фидан: Мекканское соглашение о совместной обороне технически соответствует статье 5 Договора НАТО // Anadolu. 08.08.2026. URL: aa.com.tr/ru/политика/хакан-фидан-мекканское-соглашение-о-совместной-обороне-технически-соответствует-статье-5-договора-нато/4022112 (дата обращения: 23.08.2026).
3. См.: Pakistan says new defense pact with Saudi Arabia and Turkey is purely defensive and open to others // Associated Press. 09.08.2026. — URL: apnews.com/article/c0ea694adb501d0b50e65dfcd5870796 (дата обращения: 23.08.2026).
4. См.: МИД Ирана: Тегеран не видит угрозы в Мекканском соглашении // Anadolu. 10.08.2026. — URL: aa.com.tr/ru/мир/мид-ирана-тегеран-не-видит-угрозы-в-мекканском-соглашении/4023024 (дата обращения: 23.08.2026).
5. См.: Иран не приглашали присоединиться к Мекканскому соглашению, заявили в МИД // РИА Новости. 24.08.2026. — URL: ria.ru/20260824/iran-2112758304.html (дата обращения: 25.08.2026).
6. См.: Селезнева Е. Могут ли Индия и Израиль создать военный союз в ответ на «исламское НАТО» // РБК. 22.08.2026. — URL: rbc.ru/politics/22/08/2026/6a830f3b9a794729764eeca1 (дата обращения: 25.08.2026)
7. См.: Нетаньяху резко высказался о военном присутствии Турции в Сирии // Газета.Ru. 20.08.2026. — URL: gazeta.ru/politics/news/2026/08/20/29140297.shtml (дата обращения: 22.08.2026)
8. См.: Сирия изучает возможность присоединения к Мекканскому соглашению // APA со ссылкой на ТАСС. 21.08.2026. — URL: ru.apa.az/asia/siriya-izucaet-vozmoznost-prisoedineniya-k-mekkanskomu-soglaseniyu-668078 (дата обращения: 23.08.2026)

Литература

Устав Организации Объединенных Наций. Статья 51 // ООН. — URL: un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения: 23.08.2026).

Al-Jaber K. The Mecca Agreement: From Imported Security to Regional Joint Security // Middle East Council on Global Affairs. August 2026. URL: mecouncil.org/blog_posts/the-mecca-agreement-from-imported-security-to-regional-joint-security/ (дата обращения: 23.08.2026).

Cook S.A. The U.S.-Led Middle East Order Is Over. The Mecca Agreement Proves It // Council on Foreign Relations. 13.08.2026. — URL: cfr.org/articles/the-u-s-led-middle-east-order-is-over-the-mecca-agreement-proves-it (дата обращения: 23.08.2026).

Joint Statement on the State Visit of Prime Minister of the Islamic Republic of Pakistan Muhammad Shehbaz Sharif to the Kingdom of Saudi Arabia // Ministry of Foreign Affairs of Pakistan. 17.09.2025. — URL: mofa.gov.pk/press-releases/joint-statement-on-the-state-visit-of-prime-minister-of-the-islamic-republic-of-pakistan-muhammad-shehbaz-sharif-to-the-kingdom-of-saudi-arabia (дата обращения: 23.08.2026).

Makkah Al-Mukarramah Summit for Joint Defence // Government of Pakistan. Press Information Department. 07.08.2026. — URL: pid.gov.pk/site/press_detail/33499 (дата обращения: 23.08.2026).

The North Atlantic Treaty // NATO. 04.04.1949. — URL: nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/1949/04/04/the-north-atlantic-treaty (дата обращения: 22.08.2026).